

Вит Ценёв

ВКУС ДОВОЕННОГО ТАБАЧКА

Я так и не увидел его...

Конечно, это звучит немного странно: я отчетливо помню его клетчатый поношенный пиджак бурого цвета; я помню его старомодные туфли со взлохмаченными концами незаправленных шнурков. Брюки были какие-то военные, военно-зеленые, с красной полоской по бокам — кажется, такие носят офицеры. И портфель, старый облезлый портфель с перекидными застежками. И запах, этот резкий запах какого-то неведомого мне табачного оттенка. Резкий, но, возможно, даже приятный...

Но я говорю о том, что так и не увидел его. Впрочем, ничего странного в этом нет. В лифте мы всегда либо опускаем глаза на заплеванный грязный пол, либо с преувеличенным интересом рассматриваем царапины и наклейки от жевательной резинки на стенах лифта...

...Лифт надрывно охнул и остановился. И тут же погас свет.

Старомодные туфли, безмятежно дремлющие на полу, исчезли во мраке вместе с офицерскими штанами, портфелем и клетчатым пиджаком. Я как-то судорожно съежился, втянул живот, прислонился к стене. Навалилась секундная беспомощность, и стал резче запах.

— Вот черт! — натужно выдал я, шаря по стене в поисках кнопок.

— Не трудитесь напрасно, молодой человек, — голос был скучный, медленный. — Это на час, не меньше.

Плечи мои расправились. По-прежнему ничего не видно, хоть глаз выколи. Неожиданно я почувствовал раздражение к своему клетчатому спутнику.

— А вам-то откуда это известно?

— Табачку-с не хотите?

Я шумно вздохнул и опустил на корточки. Так мне сразу стало спокойней. Раздражение улеглось, как не бывало.

— Спасибо, у меня «магна»...

Напротив меня какое-то движение и шорох. Видимо, мой клетчатый собрат по несчастью повторил мою позу. Слышно было, как он елозил в противоположном углу, принаравливаясь поудобнее. Впрочем, пока я только лишь могу догадываться об этом. В глазах плавают оранжевые круги, по-прежнему не видно ни зги, заломило в висках...

— У меня табачок-с редкий, довоенный, из старых запасов. Хотите попробовать?

Запах, во всяком случае, меня интриговал. Я снова шумно вздохнул.

— Ну, давайте, попробую... Только...

— Он уже в гильзочки набит, не извольте беспокоиться, — словно прочитал мою мысль клетчатый. — Огонек-то есть?

— Есть, есть, — заторопился я, протягивая руку. — Давайте вашего табачку... Довоенного...

Я закурил, на секунду выдернув из мрака очертания бесформенно сидящей фигуры клетчатого, не удивился отвратительно горькому вкусу его табачка и вдруг разом осознал всю нелепость ситуации.

— Послушайте, — я опять почувствовал накатывающее раздражение, даже досаду. Я чувствовал себя полным идиотом. — Послушайте, как там вас — чего мы сидим? Давайте стучать, давайте покричим. В доме полно жильцов...

— Кричите, — равнодушный голос говорил куда-то в сторону. — Только, так или иначе, нам тут, молодой человек, с час с вами вместе обитать...

Неожиданно вдруг всплыл кадр из фильма «Попутчик». Мокрая фигура под проливным дождем заглядывала внутрь машины. Я тряхнул головой, усмехнулся криво, — вот, черт! — затянулся глубже, пытаюсь огоньком высветить клетчатого, но ничего не увидел, лишь поперхнулся и закашлялся.

— Черт! Вот черт! — бормотал я вперемешку с кашлем и отирая выступившие слезы. — Ну и табак у вас, я вам скажу...

Сигарка истлела мгновенно. Видимо, не врал клетчатый, табак и правда, очень старый, заботливо высушенный до порохового состояния. Минуты две-три стояла тишина, ноющая и нудная тишина, ставшая непереносимой. Ни голосов жильцов, ни шума на лестничной площадке, ничего. Даже дыхания клетчатого...

— В морге не хотите поработать?

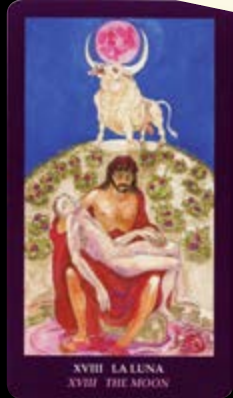
— Что, простите? — оторопел я.

— В морге, спрашиваю, не хотите поработать? — повторил клетчатый тем же равнодушным голосом.

— Что-то я...

— Не понимаете, да? — оживленно перебил он меня и залился звонким смехом. — Не понимаете?! — и снова скучным тоном: — Так и не поймете, вы же мне досказать не дадите... Одеты вы, как я вас разглядел, неряшливо, заработками перебиваетесь случайными, трусоваты будете...

– Я не... – начал я, но он снова перебил.
– Ну дайте сказать, что вы, право слово. Уважьте старика. – Он сделал нажим на слове "старик". – Что есть, то есть, не отрицайте, молодой человек. Подумал я: может, подсобить вам? А? В морг вас, так сказать, трудоустроить... И денежное положенье поправите, и захрабреете. А?
– А вы что, директор морга? – разозлился я.
Клетчатый снова засмеялся. Смех у него был похож на детский. Так смеется мой пятилетка брат...

– Не-е-а, не директор. И даже не работник. Но подсобить могу...

Снова повисла пауза. Голова шла кругом. В застрявшем лифте, в крошечной темноте, совершенно незнакомый человек предлагал мне работу в морге...

– И что, много платят? – решил я наконец. Если он сумасшедший, то лучше, пожалуй, соглашаться.

– Да-к ты газетку-то открой, позвони по объявлениям – как работа, сколько платят...

– Не говорите ерунды! – сорвался я. – Нет таких объявлений. Уж читаю, поверьте!

– А почему, как ты думаешь? – вкрадчиво спросил он.

– Понятия не имею!

– И что за работа такая мудреная, – забормотал он куда-то в сторону. – Те требуются, эти требуются, можно начальником большим сделаться, или даже этим, политиком, понимаешь... А в морг не требуются... Ну не требуются там работники, и все тут! А хотите... Слушайте, а хотите – я вас на кладбище пристрою работать... По части захоронения... Или за могилками ухаживать...

Сомнений не оставалось. Я оказался запертым в лифте с совершенным психом. Паника навалилась на меня, захотелось вскочить и закричать, стучать и пинать стены лифта, но я только сжал кулаки и попытался сдержать дыхание. Собраться с мыслями, ну же! Собраться с мыслями... Чего он там?

– Чего молчишь? – поинтересовался клетчатый.

– Вы еще мавзолеей меня охранять поставьте, – огрызнулся я и тут же пожалел об этом. А вдруг...

– Могу устроить, если хошь, – скромно сказал он.

Я снова мысленно заторопился. Ясно, ясно, теперь только соглашаться. Кто-то говорил, что психу всегда нужно поддакивать. Всегда... Что бы тот не городил...

– Ладно, – начал я, – в морг – так в морг... – и замолчал. Слишком двусмысленно получилось.

– Хочешь еще табачку?

– Нет. Спасибо!

– Думаешь, я ненормальный?

– Нет, – сказал я торопливо, стараясь, чтобы прозвучало убедительнее. – Я думаю, что ваши предложения интересны. Что я должен делать?

– Ты должен захотеть работать в морге. Или на кладбище. А я тебе это устрою.

– Но почему? – обомлел я.

– Скажи мне, пожалуйста, друг мой, только подумай, прежде чем ответить, и скажи то, что есть на самом деле... – начал клетчатый и умолк.

– Ну? – заторопил я, – ну?

– Ты ХОТЕЛ БЫ побывать в морге? – с нажимом на "хотел бы" спросил он.

Страх ушел. Я сидел, как громом пораженный и обдумывал случившееся. Первой моей мыслью, самой первой, которая взорвалась в моем уме, от которой загрохотало сердце и почему-то заныли зубы, было: "Да"... Это было мгновение... И затем вновь навалились страх, растерянность, заломило в висках.

– Хотел бы... – задумчиво произнес он. – Конечно, хотел бы. Каждый хочет. Соприкоснуться со смертью... Чужой, неблизкой, сторонней... Что за удовольствие – читать газетные строки, смакующие подробности нашего жития: кто кого зарезал, облил кислотой, убил сковородкой, расстрелял из автомата... Если хочешь аналог, то это своего рода порнография: для того большинства, кто просто не решается соприкоснуться с реальной шлюхой, имя которой – смерть. Я могу ТАК говорить, хотя, поверь мне, говорить ТАК кощунственно. Соприкосновение со смертью – это магия, магия с большой буквы, особая магия невиданной силы и, как ни странно, силы жизнеутверждающей. Ты веришь в магию? Впрочем, это не важно. Магия не нуждается в твоей вере, а магия Силы Смертной – тем более...

– Что это? – очнулся я словно ото сна.

– Знаешь что, дорогой мой, я тебе лучше расскажу одну интереснейшую вещь. Когда решалось, что делать с телом Ленина после его смерти, одни высказывались за мумификацию, другие – за захоронение. И знаешь, что?

– Что?

– Те, кто считал, что тело Ульянова нужно захоронить – все, все до одного, оказались недолгожителями.

– И что из этого?

– И так вот сразу и не поймешь: и чего это народы носятся с костями своих известных

предков: выменивают, выкупают, разыскивают, и – хоронят у себя на родине. Взять хотя бы эти царские останки... И на кой все это нужно, ась?

– Я не понимаю вас! – воскликнул я почти в отчаянии.

– А и не поймешь. Наука эта непростая выходит. Прочувствовать это надобно. Думы подумать. С людьми знающими покалякать. Книжку нужную прочесть. Тогда, глядишь, и понятливым все станет.

– А морг, морг-то здесь причем?

– А не только морг, а место любое, где смерть обитает. Вот говорят, что квартиры, где убийство случилось, враз в цене падают, нечистые становятся. Это для вас, непонятливых да несведующих, страх да нечистоплотность выходит. А мы всегда только в тех квартирах обитаем, где убийство совершилось. Сила там есть великая...

– Какая сила?! – закричал я. – Что вы несете?! Какая сила?! Кто это – мы?! Вы про что?! Вы о чем?!

Что-то сердито ткнулось мне к ногам. Это был его портфель. Тот самый портфель, с перекидными застежками...

– Держи, сынок! Смогешь прочесть – чти! А не сможешь...

– Что, что? – лихорадило меня.

– И еще вот, – зашептал голос у самого моего уха. – У дружка своего, у Николая, спроси – не случилось ли чего в 87 квартире год-полтора назад, она этажом выше, эта квартирка. Я там некоторое время постоялся... И вот еще... – я застонал, сжался, его слова вгрызались в мой мозг. – Табачок непростой этот. Волосы мертвого человека туда примешаны...

... Лифт дернулся, двинулся вверх и замер. Вспыхнул свет, распахнулись двери. Но я не слышал и не видел. Я упал на пол, что-то страшное скрутило меня, сломило и бросило на пол...

... Я лежал на полу в кабине лифта, и дверь его пыталась закрыться и снова открывалась, спотыкаясь о препятствие, коим

была моя вытянутая нога. Я с трудом поднялся. Кружилась голова, тошнота подступала к горлу, в висках бились молоточки. Я машинально взял лежащий портфель и вышел из лифта. Двери шумно захлопнулись...

... – Во, Антон! – закричал Колька. – Только за минуту до тебя свет вклю... Ты чего?.. Я отодвинул его и зашел в ванну. Холодная вода чуть освежила меня. Я засунул голову под ледяную струю и замер, боясь пошевелиться. Тошнит, тошнит... Не проходит. Только молоточки чуть утихли...

Колька растерялся, он стоял и смотрел на меня широко открытыми глазами. Я вдруг подумал, что он полное ничтожество... Стало легче. Закрыв воду и сдернул застежки портфеля. Что-то белело внутри. Я взял...

Пачка переплетенных листов. «Протоколы колдуна Стоменова» на титуле. И ничего больше. Пачка абсолютно чистой, аккуратно переплетенной бумаги. Страниц сто-сто тридцать.

– Тебя били, что ли?

– Слушай, ты знаешь, кто у вас в 87 квартире живет?

– Чего?

Я помолчал, молча глядя на него. Он изменился в лице...

– Не знаю... Погоди, дак ведь сдают ее вроде. Наркоманы жили... Сейчас не знаю. Да что произошло-то?!

– Слушай, а раньше – год, два – кто, может знаешь?

– Антон, да в чем дело-то?! Ну, знаю! Чаю будешь? Или давай тебе водки налью соточку. Цыгане там жили, трое... Их всех вырезали враз. Кровищи было... Клава, ну та, помнишь, понятой была...

Я медленно покачал головой. Еще раз взглянул на переплет. «Протоколы колдуна Стоменова», «Протоколы колдуна Стоменова», «Протоколы...»...

– Водку я, пожалуй, не буду, Коля. Чаю сделай покрепче. И вот еще что... Я, наверное, курить брошу...

